

OLENA PODDENEZHNA

Особенности постколониального метадискурса в эссеистике Евгения Маланюка

Characteristics of postcolonial metadiscourse in the essays of Yevhen Malaniuk

Abstract. The article analyzes the postcolonial metadiscourse of the essays by Yevhen Malaniuk, a prominent representative of the Ukrainian diaspora. It examines a series of his articles, which deconstruct established historical and cultural narratives of Russian literature, revealing elements of colonial trauma and myth-making. The research demonstrates that Malaniuk transcends traditional essayism, actively participating in the decolonization of the cultural space. In his interpretation, Russian literature becomes a symbol of imperial power. However, his authorial strategy is not limited to unambiguous criticism or approval; he aims to deeply understand and objectively present the creative systems of Russian writers, offering a complex multi-level evaluation of their work and assessing the forms of their influence on the formation of cultural identity. His analytical gaze is aimed at demystifying canonical views of Russian literature. Malaniuk approaches literature as a platform through which personal cultural concepts, ethnological patterns, and socio-political attitudes are expressed. His interpretation of the Ukrainian theme through the prism of postcolonial theory affirms the significance of an approach that combines postcolonialism and post-communism in their efforts to demystify dominant narratives of the past and to explore the nature of individual and collective memory, as well as mechanisms of resistance to authoritarianism. The article thoroughly analyzes Malaniuk's thesis on the national criterion in art, which asserts that in the postcolonial era, the emphasis on the national criterion helps restore unique cultural identities that have been degraded during the colonial period. The article argues that one of the constant criteria for forming the methodological base of postcolonial interpretation becomes a nation-centric evaluation. This argument turns into an act of cultural and political resistance, facilitating the revival of identity and dismantling the canon of conservative views regarding categories such as nation, people, culture, personality, society, and educates the reader to newly comprehend this complex of ideas, now dictated by the newest times.

Keywords: postcolonial metadiscourse, Ukrainian diaspora, Russian literary critique, decolonization, imperial ideology

Olena Poddenezhna, Masaryk University, Brno – Czech Republic, opoddene@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6239-8646>

Евгений Маланюк – выдающийся представитель украинского эмигрантского канона, неформальный лидер Пражской поэтической школы (Чехия,

1920-е гг.), один из основателей литературно-художественной группы Танк (Польша, 1930-е гг.), участник литературного объединения МУР (Германия, 1945–1949 гг.). Мыслитель, творчество которого связано с проблемами украинской государственности и культурной идентичности в условиях колониализма. Яркий публицист, анализирующий национальные комплексы не только как историк, но и как психолог, хорошо знакомый с новейшими концепциями западноевропейской философской мысли. Визионер и практик, развивающий дискуссии о взаимодействии идеологии и художественного творчества.

Е. Маланюк дебютировал почти одновременно как поэт, публицист, эссеист и литературный критик еще в лагерях интернированных солдат армии УНР в Польше (1920 гг.). Именно тогда он определил свою роль как сторонника национальной идеи в литературе. Наладив хорошие контакты с литераторами и журналистами чешских и польских журналов, Маланюк способствовал популяризации украинских авторов, пытаясь вписать их в общеевропейский контекст.

Литературное наследие Маланюка долгое время не находило признания в академической среде, что было обусловлено как его положением писателя-эмигранта, так и радикальностью взглядов, касающихся вопросов украинской государственности и национальной идентичности. Его историософские теории, особенно связанные с концепцией „малороссийства“ и представленные в трудах *Мысли об искусстве* (Malanuk 1923), *Творчество и национальность* (Malanuk 1997), в двухтомнике *Книга наблюдений* (Malanuk 1997), вызывали живые дебаты и оставались предметом активных научных споров.

Цель данной статьи заключается в анализе постколониального метадискурса в литературно-критических эссе Маланюка, посвященных русской литературе.

Изучение творчества Маланюка представляет собой сложный и неоднозначный процесс, тесно переплетающийся с вопросами художественного мастерства и идеологическими концепциями. Критический диалог, который велся как его соратниками, так и современными исследователями, в числе которых Юлия Войчишин (Vojčišin), Николай Наенко (Naenko), Стефания Андрусив (Andrusiv), Леонид Куценко (Kucenko), Олег Баган (Bagan) и многие другие, отличается дискуссионным характером. В центре внимания учёных взаимосвязь между художественными идеями Маланюка и его подходами к литературному творчеству в контексте национализма, модернизма, психологии творчества и подсознания.

Его литературное наследие условно делится на два основных периода: первый датируется 1925–1943 гг., второй – 1943–1968 гг. Для первого периода – *Стилет и стилос* (Подебрады, 1925), *Гербарий* (Гамбург, 1926), *Земля и железо* (Париж, 1930), *Земная Мадонна* (Львов, 1934), *Перстень Поликра-*

та (Львов, 1939) и *Избранные поэзии* (Львов, Krakow, 1943) – характерен акцент на исследовании особенностей национальной культуры, проблем малороссийства и большевизма. Второй период включает в себя такие произведения, как *Власть* (Филадельфия, 1951), *Последняя весна* (Нью-Йорк, 1959), *Август* (Нью-Йорк, 1964) и ряд других. В этот период Маланюк активно занимался публицистикой и литературоведением, что нашло отражение в его монографиях и статьях, в том числе в *Очерках из истории нашей культуры* (1954), *Малороссийство* (1959) и *Illustrissimus Dominus Mazepa – фон и персонаж* (1960), двухтомная *Книга наблюдений* (том I, 1962; том II, 1966). Эти тексты были созданы в период сильнейших потрясений XX века, Второй мировой войны и эмиграции, во многом связаны со сложностями адаптации автора в новых условиях и отличаются эмоциональной несдержанностью и декларативностью. Такая тенденция была характерна и для творчества других писателей-эмигрантов, покинувших родину после Второй мировой войны (Юрий Шерех, Улас Самчук). Писатели в изгнании, размышляя о взаимодействии русской и украинской культур, вступали в дискуссии и разрушали стереотипы. О влиянии современников на творчество Маланюка убедительно пишет Ю. Войчишин, акцентируя роль трех лидеров украинского изгнанничества: Дмитрия Донцова, Вячеслава Липинского и Юрия Липы (*Vojčišin*). Маланюк исключительно высоко оценивал идеи Донцова. Тем не менее их отношения были неоднозначными и иногда противоречивыми. Они не всегда были единомышленниками и со временем стали расходиться в своих взглядах, особенно в отношении событий в Украине после ХХ съезда КПСС. Отрицать же факт их духовного и идеологического взаимодействия было бы несправедливо.

В данном исследовании предпринята попытка анализа литературно-критических эссе Маланюка, освещающих историю русской литературы в контексте постколониальных дискурсивных практик. В ряде своих эссе *Конец русской литературы* (1926), *Петербург как литературно-историческая тема* (1931), *Толстовский* (1962) и *Teatr упадка (К. Станиславский)* (1962), Маланюк переосмысливает литературные догмы, устоявшиеся исторические и культурные нарративы, критикует укоренившуюся идею о непререкаемом величии русской литературы, предлагая альтернативный взгляд на, казалось бы, незыблемые литературные авторитеты. Следует также отметить, что личный опыт Маланюка как эмигранта, вносит значительное напряжение в этот авторский дискурс, стимулируя глубокий процесс переосмыслиния идентичности: от поиска самоопределения к оценочному сравнению себя с другими.

Постколониальные штудии представляют собой одну из наиболее актуальных тенденций в сфере культурных исследований за последние пять-

десят лет. Одной из концептуальных проблем постколониального дискурса является отсутствие единого определения понятия „постколониальный” в отношении культурных феноменов как таковых. Исследования в этой области отличаются противоречивостью, что часто приводит к терминологической путанице. В контекст постколониализма включаются: антиимперские стратегии и идеологии, вопросы глобализации, культурной идентичности, анализ различных форм подчинения (национального, расового, гендерного, классового), исследования травматических последствий колониального наследия, а также другие смежные явления.

Как утверждает Мадина Тлостанова (Tlostanova 2022), основной круг исследований в сфере постколониальной теории формируют работы Франца Фанона (Fanon), Эдварда Саида (Said), Хоми Баба (Baba), Гаятри Спивак (Spivak).

В начале XXI века появляются первые попытки перенести постколониальный дискурс на постсоветское пространство и рассмотреть опыт постсоветских стран и России в связи с имперской проблематикой и явлением культурного доминирования. Оформляется смежное направление – философия деколониального поворота, предлагающая новый подход к исследованию колониальных отношений. В постсоветском литературоведении выделяются труды Сергея Толкачева (Tolkačev), Мадины Тлостановой (Tlostanova 2008) и Ольги Сидоровой (Sidorova), посвященные явлению мультикультурного и постколониального романа. Особого внимания заслуживают работы европейских исследователей Марка Павлишина (Pavlišin), Эвы Томпсон (Thompson), Тамары Гундоровой (Gundorova), Хелены Ульбрехтовой (Ul'brechtová).

Акцент в статье на постколониальном дискурсе аналогичен толкованию понятий постмодернизм и постструктурализм, где префикс „пост” не означает полного отрицания предшествующего этапа, а скорее указывает на сложное сочетание и взаимодействие с ним. Антиколониальный вектор рассматривается как более примитивный и прямолинейный, связанный с простым сопротивлением колониализму и его структурам. Поэтому предложенная в данном исследовании концепция постколониального метадискурса в отношении анализа „русской” эссеистики Маланюка рассматривается как менее радикальная и более интерпретативно гибкая альтернатива антиколониальной методологии.

Рассмотрим характерный для постколониального метадискурса прием деконструкции идеализированного представления о „величии русской литературы”, который наиболее последовательно отражен в ряде статей и эссе, формирующих своеобразный „пул” текстов, связанных с взаимодействием украинской и русской культур. В частности, особого внимания заслуживает

эссе *Конец русской литературы* (Malanuk 1997), где автор фокусируется на неорганичном и деструктивном характере „имперской литературы“:

Не маючи жадних підстав для будь-якої органічної культури, не маючи традицій, широкого суспільного фундаменту, елементарного громадського життя, російські інтелігенти, осягаючи особисто часто незвичайної і нечуваної на Заході індивідуальної культурної досконалости, перейняли західні впливи так, як звичайно переймас іх дикун, і, перенісши на російський ґрунт формальні досягнення Заходу, змогли утворити в Росії зовнішньо надзвичайно цікаву „орхідейну літературу“, доведячи її безкорінну виточеність просто до неймовірної рафінованості (Malanuk 1997: 342).

Не имея никаких основ для органичной культуры, не имея традиций, широкого общественного фундамента, элементарной общественной жизни, русские интеллигенты, достигая порой личного, необычного и неслыханного на Западе уровня индивидуального культурного совершенства, усвоили западные влияния так, как их обычно усваивает дикарь. Перенеся на русскую почву формальные достижения Запада, они сумели создать в России внешне чрезвычайно интересную „орхидейную“ литературу, доведя ее беспочвенную утонченность до невероятной степени рафинированности (здесь и далее перевод наш – О.П.).

Такой прием прежде всего направлен на разоблачение и разрушение тех нарративов, которые поддерживают колониальное доминирование. В интерпретации Маланюка русская литература является символом имперской власти:

Словом, робилося все те, що мусіло робитися в цілком штучній державі механічно-стиснутих народів, народів, над якими панувала брудна, напівдикунська орда, що засвоїла собі від татар завойовницьке хижактво, ненаситність визиску і катівське уміння проглючувати чужі культурні надбання, підрізуєчи їх під рівень „русської“ культури і „великої русської літератури“ (Malanuk 1997: 343).

Иными словами, делалось все то, что должно было происходить в полностью искусственном государстве механически-объединенных народов, где властвует грязная, полудикая орда, унаследовавшая от татар хищнический дух завоевания, ненасытную алчность к эксплуатации и жестокое умение палача уничтожать чужие культурные достижения, обрезая их до уровня „русской“ культуры и „великой русской литературы“.

В эссе *Конец русской литературы* автор предпринимает попытку ранжирования русских писателей в соответствии с их принадлежностью к „общерусской“ или „московской“ школе. Под „общерусской литературой“ понимается творчество тех авторов, в том числе украинского происхождения, которые были интегрированы в культурное пространство империи, что оценивается критиком априори скептически. Выдвигается концепт „общерусской души“ – символичный для многих русских интеллектуалов, которые верили в провидческую роль России для европейской цивилизации. Маланюк акцентирует внимание на сложности современной литературы, отражающей

внутренние противоречия русского общества. Он критически отзывается о современных писателях из-за их неспособности создавать оригинальные и глубоко значимые произведения, указывая на присущий им эклектизм и стилизацию, которые, по его мнению, подрывают основные качества настоящей литературы.

В то же время „московская литература” ассоциируется с творчеством тех авторов, в творчестве которых чрезвычайно ярко отражается имперская идентичность. Маланюк относится к этой второй группе амбивалентно: оценивая положительно таких писателей, как Сергей Есенин, которого называет „чистым москалем-крестьянином”, „москалем-сектантом”, или же указывая на способность Константина Леонтьева и Василия Розанова выразить национальный дух в рамках московской литературной традиции.

Анализируя подход Маланюка к „московской литературе”, можно отметить, что его рецепция не ограничивается однозначной критикой или одобрением; он стремится глубоко понять и объективно представить индивидуальные творческие стратегии авторов. Критик воспринимает „московскую литературу” не только как отражение имперской идентичности, но и как средство для выражения национального сознания, что особенно заметно в его оценках творчества таких писателей, как Есенин, Леонтьев и Розанов, что позволяет преодолеть границы апологетической критики и предложить сложную, многоуровневую оценку литературных явлений, их влияния на формирование культурной идентичности.

Маланюк подчеркивает первостепенную важность национального критерия в искусстве, утверждая, что пренебрежение им ведет к духовному кризису и творческому застою. Он глубоко убежден в том, что литература всегда является отражением комплекса национальных или государственных ценностей в духовной сфере: „Література завше є проекцією всього комплексу національного чи державного на площу духовну” [Литература всегда является проекцией всего комплекса национального или государственного на духовную плоскость] (Malanûk 1997: 340). Этот тезис подчеркивает ключевую роль национальной идентичности в формировании культурного и художественного наследия и, безусловно, способствует пониманию культурных и литературных процессов в условиях колониального влияния и последующего периода деколонизации. В эпоху постколониализма, когда происходит переосмысление и переоценка колониального прошлого, акцент на национальном критерии в искусстве способствует восстановлению и сохранению уникальных культурных идентичностей, подвергшихся деградации в период колониального господства. Таким образом, тезис Маланюка о национальном критерии в искусстве выходит за рамки простого аргумента, превращаясь в акт культурного и политического сопротивления, способствующего

восстановлению идентичности. Стоит также отметить, что к моменту идеологии данного эссе Маланюк входил в круг „вестниковых” авторов (Дмитрий Донцов, Юрий Липа, Олесь Бабий, Остап Грицай, Леонид Мосендр, Дарья Виконская), которые в 1922–1929 гг. группировались вокруг журналов „Литературно-научный вестник” и „Вестник” и активно переосмысливали русские культурные и ментальные влияния, формируя новую парадигму украинской культуры.

Несколько другой вариант постколониального метадискурса наблюдаем в эссе *Толстаєвський* (Malanuk 2021, электронный ресурс), в котором автор выявляет деструктивные явления, присущие русской литературе, такие как расщеплённость личности писателя, искусственность, пропагандистская поддержка имперской идеологии, психопатические черты в образных характеристиках персонажей, культ реализма и вводящая в заблуждение его „правдивость”, а также размытость эстетических канонов. В тексте эссе видна ярко выраженная тенденция к созданию образа „Другого” в лице Федора Достоевского и Льва Толстого. Их творчество оценивается сквозь фильтр европейской ментальной матрицы. Достоевский интерпретируется как сложный и отталкивающий для нерусского читателя:

Достоєвський відпихає й відстрашує не-росіянина автоматично, з якоюсь не-російською цирістю. Західня людина, з живим інстинктом самоохорони, залишить книжку Достоєвського вже на перших сторінках. Читатиме далі (мова тут про читача, а не дослідника й вченого) лише той, хто вже має в собі щілини й надщерблення (Malanuk 2021, электронный ресурс).

Достоевский автоматически отталкивает и пугает нерусского с какой-то неприсущей русским искренностью. Западный человек, обладающий живым инстинктом самозащиты, отложит книгу Достоевского уже на первых страницах. Будет читать дальше (речь идет о читателе, а не о исследователе или ученом) лишь тот, кто уже имеет в себе трещины и надломы.

Толстой предстает как фигура, обладающаяней универсальной значимостью:

Не те з Толстим. Він навіть для Кіплінга був „великий письменник”. Великий письменник „російської землі”, „тітан”, „лев літератури” (вираз Буніна) він – у своїй „удержавленії” в ССР сорочці – якийсь Ілля Муромець її і, у всякому разі, загально признаний на заході excelle a peindre la vie. Крім того, він – „філософ-мораліст”, він пошукувач „правди” християнства, він „великий мислитель” і навіть „мученик ідеї”, „апостол”, що потягнув цілі сотки „толстовців” до в’язниць і навіть на заслання. Толстой – „граф”, про що ніколи не забували ані на заході (і про що сам „опрощенець” також ніколи не забував), ані в Росії (Malanuk 2021, электронный ресурс).

Не то с Толстым. Даже для Киплинга он был „великий писатель”. Великий писатель „русской земли”, „титан”, „лев литературы” (выражение Бунина) – он, в своей „канонизированной” в СССР рубашке, чем-то напоминает Илью Муромца и, в любом случае, общепризнан на Западе *exceller a peindre la vie*. Помимо этого, он – „философ-моралист”, искатель христианской истины, „великий мыслитель” и даже „мученик идей”, „апостол”, который увлек за собой сотни „толстовцев” в тюрьмы и даже ссылки. Толстой – „граф”, о чем никогда не забывали ни на Западе (и сам „аскет” об этом тоже не забывал), ни в России.

Прослеживается глубокая интроспекция культурных процессов, проявляющаяся в осмыслении этих двух знаковых авторов, как символов русской культурной идентичности. Достоевский, с его мрачным и сложным стилем, отражает глубоко укоренившееся чувство меланхолии и склонности к самоанализу, столь чуждое западному рационализму. Толстой, часто воспринимаемый как моралист и рационалист, известен своим ясным, прямым стилем и стремлением к идеализированному изображению человеческой природы и общества. В то время как оба писателя представляют разные, часто противоположные взгляды на мир, их объединение в названии эссе подчеркивает некую общую тенденцию русской культуры к образованию монолитного, доминирующего нарратива.

В дополнение Маланюк интерпретирует Россию как метафизический символ зла. Такой подход подчёркивает дихотомию между империей и колонией, агрессором и жертвой, что является краеугольным камнем постколониальной теории. Критика Маланюка направлена на отторжение имперского строя, однако при этом он не избегает некоторого стереотипного восприятия Украины как интегральной части имперского культурного пространства, что отражает сложность и неоднозначность его собственной постколониальной самоидентификации.

Критические инвективы Маланюка в адрес русской литературы не были поверхностными. Он демонстрирует блестящее владение материалом и активный диалог с русской литературной традицией, выходя за рамки роли пассивного наблюдателя (см. серию эссе *Rossica*, представленную в первом томе *Книги наблюдений* [Malanuk 1995]). Так, например, глубоко анализируются *Бесы* Достоевского и *История одного города* Михаила Салтыкова-Щедрина. Эти произведения рассматриваются в контексте политической сатиры и связи с идеологическими основами русского большевизма. Выражается признание таланту Ивана Бунина, выказывается сочувствие к трагической судьбе Сергея Есенина, отмечается значимость произведений Леонида Леонова и Исаака Бабеля.

При анализе цикла работ Маланюка о русской литературе, возникает вопрос, не усиливают ли его постколониальные, а возможно, и антиколониальные рефлексии, комплекс вторичности украинской культуры и госу-

дарственности, постоянно напоминая об имперско-колониальном прошлом Украины и артикулируя, что образ бывшего колонизатора – это не просто образ „Другого”, но „Чужого”, ассоциируемого с враждебностью?

Критика русской литературы в версии Маланюка отражает имперскую идеологию и одновременно актуализирует украинскую идентичность в условиях культурного и политического доминирования. Такой подход позволяет ему выступать не только в роли критика, но и в роли активного участника процесса деколонизации литературного пространства. Он непримиримо утверждает, что опыт прямого военного противостояния формирует уникальное восприятие русской культуры. Его аналитический взгляд нацелен на демифологизацию канонизированных представлений о русской литературе, выявляя в ней элементы колониальной травмы и мифотворчества. Маланюк подходит к литературе как к платформе, через которую проявляются личностные культурологические замыслы, этнологические паттерны и социополитические установки. Его осмысление украинской темы через призму постколониальной теории утверждает значимость подхода, который объединяет постколониализм и посткоммунизм в их стремлении демифологизировать доминирующие нарративы прошлого и исследовать природу индивидуальной и коллективной памяти, а также механизмы сопротивления авторитаризму.

Наконец, в творчестве Маланюка национальный миф становится не просто отражением западноевропейской модерности, но и основой для постколониального анализа, предлагающего новое понимание классической русской литературы и ее роли в формировании украинского культурного сознания.

References

- Andrusiv, Stefaniâ. *Modus nacional'noї identičnosti: l'viv's'kij tekst 30-h rokiv XX st.* L'viv, Džura, 2000.
- Baba, Homi. „Mimikriâ i lûdina. Dvoïstist' kolonial'nogo diskursu”. *Nove literaturne oglâd*, 1 (161), 2020, s. 29–37.
- Bagan, Oleg. *Åk dié kompleks malorosijstva v literaturi? (Fedir Dostoëvs'kij åk arhetipnij avtor rosij's'koj literaturi: ocinki Èvgena Malanûka i Dmitrija Doncova)*. Web. 27.12.2015. <http://dontsov-nic.com.ua/yak-dije-kompleks-malorosijstva-v-literaturi-fedor-dostoevskyj-yak-arhetypnyj-avtor-rosijskoji-literatury-otsinky-evhenya-malanyuka-i-dmytra-dontsova/>.
- Fanon, Franc. „Černaâ koža, belye maski”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (161), 2020, s. 9–28.
- Gundorova, Tamara. *Tranzitna kul'tura. Simptomi postkolonial'noї travmi: stattì ta eseï*. Kiïv, Grani, 2013.
- Kucenko, Leonid. *Domînus Malanûk: tlo i postat'*. Kirovograd, Central'no-Ukraïns'ke vidavnictvo, 2001.
- Malanûk, Èvgen. „Dumki pro mistectvo”. *Slovo i čas*, 6, 1993, s. 60–65.

- Malanûk, Èvgen. *Kniga sposterežen'*. Toronto, Gomìn Ukraïni, 1962.
- Malanûk, Èvgen. *Kniga sposterežen'*. Kiïv, Dnipro, 1997.
- Malanûk, Èvgen. *Kniga sposterežen'*. *Fragmenti. Vid Kobzarâ do naciï. Studiï i rozdumi*. Kiïv, Atika, 1995.
- Malanûk, Èvgen. *Tolstoevskij*. Web. 20.12.2021. <https://zbruc.eu/node/109446>.
- Naénko, Mikola. *Hudožnâ literatura Ukraïni. Vid mîstiv do modernoï real'nosti*. Kiïv, Vidavnîcij centr Prosvita, 2008.
- Pavlišin, Marko. *Kanon ta ikonostas: Lìteraturno-kritični stattì*. Kiïv, Čas, 1997.
- Said, Èdvard. *Zapadnye koncepcii Vostoka*. Sankt-Peterburg, Russkij Mir, 2006.
- Sidorova, Ol'ga. *Britanskij postkolonial'nyj roman poslednej treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii*. Ekaterinburg, Ural'skij universitet, 2005.
- Spivak, Gaâtri Chakravorti. *Mogut li ugnetennye govorit'*, Moskva, V-A-C Press, 2022.
- Thompson, Èva. *Trubaduri imperii: Rosijs'ka literatura i kolonializm*. Kiïv, Vidavnictvo Solomiï Pavličko „Osnovi”, 2006.
- Tlostanova, Madina. *Ot filosofii multikul'turalizma k filosofii transkul'turacii*. Moskva, Rossijskij universitet družby narodov, 2008.
- Tlostanova, Madina. *Postkolonial'na teoriâ, dekolonial'nij vîbor i osvoboždenie èstezis*. Web.08.03.2022. <https://akrateia.info/dekolonialnyj-vybor-i-osvobozhdenie-estezisa/>.
- Tolkačev, Sergej. *Mul'tikul'turnâ literatura: novie gorizonty XXI veka*. Moskva, KnoRus, 2021.
- Ul'brehtova, Gelena. *Fenomen Kryma: mifîčeskaâ Tavrida ili sovetskij raj? Po sledam istoričeskoi i literaturnoj památi poluostrova*. Praga, AV ČR, 2020.
- Vojčišin, Úliâ. „....Ârij krik i bil' tužavij...”: Poetična osobistist' Èvgena Malanûka. Kiïv, Libid', 1993.